

ПРЕВРАЩЕННЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ИДЕАЛА В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Шатула Т.Г.

Новосибирский государственный
университет экономики и управления
tamara@yandex.ru

В статье рассматривается одна из базовых утопических классификаций, основанная на онтологическом и антропологическом подходах. Исследуются некоторые превращенные формы социального идеала и приводятся развернутые примеры нескольких социальных проектов, принадлежащих к разному историческому времени. Это парагвайские редукции XVII в., социальный опыт Роберта Оуэна на фабрике в Нью-Лэнарке, капиталистическая утопия Пульман-тауна и современная утопия Уолта Диснея.

Ключевые слова: социальный идеал, утопия, социальный проект, Роберт Оуэн.

В первом номере «ИИ» была опубликована статья Ю.П. Ивонина, посвященная рассмотрению социального идеала как предмета философского исследования. Социальный идеал – важнейший маркер в истории философии, перманентно изменяющийся и обновляющийся конструкт общественного сознания. В своем стремлении к установлению новых ценностных ориентиров и конструированию идеальных условий бытия человеческая мысль воплощает социальный идеал в утопии. Социальная утопия – превращенная форма общественного идеала, а утопическое сознание – сравнительная переоценка основ человеческого бытия в контексте полагания совершенного устройства общества.

Ю.П. Ивонин указывает, что проблема идеала в философии сводится к проблеме всеобщего социального идеала как нормативного отображения общества вообще, и выводит два различных подхода к концептуализации этого идеала. Всеобщий со-

циальный идеал отображает родовые признаки общества в категориях предельного мыслимого совершенства бытия, и потому различие подходов зиждется на интенциональной направленности самосознания человека – внешней либо внутренней. Первый подход продуцируется онтологической философской традицией, второй – антропологической.

Онтологизм рассматривает социальный идеал как «совершенство отчужденной человеческой кооперации»¹. Родовым признаком человека становится внешняя детерминированность его поведения, подчиненность надличностному объективному порядку, – критерий, концептуализированный в теориях о «смерти субъекта». В первой своей исторической, античной, форме онтологизм в принципе отрицает «специфичность человеческого существования и без остатка разлагает его на

¹ Ивонин, Ю.П. Социальный идеал как предмет философского исследования / Ю.П. Ивонин // Идеи и идеалы. – 2009. – № 1. – С. 61.

космически-природные составляющие»². В определении антропологизма также сохраняется кооперация индивидов как родовой признак общества вообще, но отвергается ее отчужденный характер как социальная норма. В социальной философии, ориентированной на традицию антропологизма, социальный идеал выступает в качестве «свободной кооперации индивидов с целью создания и распределения условий их жизнедеятельности»³. Идеалом человеческого существования представляется тотальная субъективация, нивелирующая объективный порядок.

Эти подходы объединяют соответственно модели «внешнего» человека и «внутреннего» человека и соотносятся с одной из базовых утопических классификаций, ретранслирующей диалектику отношений гражданина и государства (этапический взгляд на утопию), человека и общества (антропологический взгляд). Поэтому концептуализация социального идеала в понятийном поле онтологизма может быть названа материализованной, а в поле антропологизма – одушевленной (или этической, как дефинирует Ю.П. Ивонин).

Утопическое мышление как форма общественного сознания продуцирует различные виды социального утопизма. Принадлежность утопии к вненаучным формам познания социальной действительности придает ей сходство с мифом. Однако развитие социальной науки не ведет к уничтожению утопии, она – неотъемлемая часть процесса социального познания и практической социальной деятельности. Создаваемые ею социальные идеалы в момент своего появления никогда не обладают потенциалом осуществления, однако содер-

жат множество предложений и решений, имеющих глубокое значение для общественной мысли и задающих возможные векторы для изменений в общественном устройстве.

Все виды социальных идеалов и социального утопизма обладают той закономерностью, что, возникая, они не исчезают, а видоизменяются, осовремениваются, переплетаются с другими течениями и продолжают существовать. При этом эти виды как взаимодействуют внутри утопического творчества, так и соприкасаются с другими областями общественного сознания. Кроме того, время от времени они приобретают «превращенную форму» – выделяются в отдельные утопические проекты или социальные эксперименты, получающие попытку реализации.

Обычно неосуществимость утопических построений не рассматривается как такое столкновение утопии с реальностью, в результате которого последняя утверждает безжизненность доктринерских представлений. Несоответствие утопии общественной практике заключается в том, что существенные черты общественного устройства, связанные с утопией, не могут устойчиво воспроизводиться в рамках исторического процесса. Стремление к совершенству формирует абсолютную стабильность, полную изоляцию и последующую стагнацию достигнутого идеального состояния общества, что противоречит законам исторического развития.

Тем не менее попробуем проанализировать некоторые примеры «превращенного утопизма» с использованием критериев вышеупомянутых двух подходов. Исторический контекст показывает, что в подавляющем большинстве случаев базис утопических проектов складывается в ма-

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 65.

териализованном онтологическом русле, поскольку антропологический подход в своей ориентировке на внутреннее облагораживание человека носит намного более идеалистический характер (насколько в целом можно говорить об идеалистических теориях в границах в принципе идеалистического феномена утопии).

Сразу оговоримся, что чистый этический (одушевленный) проект лежит в области недостигнутого, – чтобы не говорить «невозможного», поскольку эта категоричная характеристика автоматически сводит к нулю смысл любых исследований феномена утопии, – и рассматриваются, таким образом, преимущественно материализованные либо этически-материализованные утопические опыты. (Справедливости ради отметим, что и в фантазийной литературной форме утопии беспримесный этический идеал встречается исчезающе редко.)

Одной из наиболее поразительных и притом ранних «исторических утопий» бесспорно являются так называемые парагвайские редукции, основанные миссионерами-иезуитами в XVII веке. Орден иезуитов, начало которому положил в 1540 г. Игнатий Лойола, сумел развернуть широкую просветительскую деятельность по всему миру – в Португалии, в Индии, Японии, Китае, Центральной и Южной Америке. В 1580-х годах иезуиты появились в Парагвае и начали активную борьбу против угона местного населения – племени индейцев гуарани – в рабство в Сан-Паулу. Гуарани – большое племя индейцев, занимавшееся первобытным земледелием, охотой, рыбной ловлей, разведением домашней птицы и свиней. Особенностью этого племени был каннибализм, причем человечину они ели почти сырой.

И в то же время отмечалась удивительная доброжелательность, кротость и даже «детскость» этого народа⁴. Иезуиты получили их доверие своим заступничеством, а также исключительно убеждением и добрым отношением. Поэтому они охотно крестились и принимали основы христианской веры, и вскоре иезуиты добились того, что индейцы больших областей Парагвая обрели безопасность от набегов рабовладельцев-паулистов. Они приучили индейцев к оседлой жизни и переселили в крупные селения-резервации, получившие название редукций. Первая «иезуитская провинция» в Парагвае была основана в 1607 г. Начиная с 1640 г. иезуиты вооружили индейцев и с боями переселили их в труднодоступный район, ограниченный с одной стороны Андами, а с другой – порогами рек Парана, Ла-Плата и Уругвай. По всей стране образовалась сеть редукций. В 1645 г. иезуиты получили от испанской короны привилегию, освобождавшую владения общества Иисуса от подчинения испанским колониальным властям и от уплаты десятин местному епископу, а вскоре и право вооружать индейцев огнестрельным оружием. Из гуарани ими была создана сильная армия.

Основные принципы социальной организации редукций заключались в отсутствии частной собственности и работе на общественное хозяйство. Хотя каждой семье выдавался небольшой личный участок, на нем дозволялось работать не более трех дней в неделю. Остальное время посвящалось работе на общественное хозяйство. Все выработанное размещалось на общественных складах, откуда прови-

⁴ Сомин, Н.В. Государство иезуитов в Парагвае [Электронный ресурс] / Н.В. Сомин // Христианский социализм как русская идея. – Режим доступа : <http://chri-soc.narod.ru/iesu.htm>.

зия выдавалась всем поровну. Торговля внутри редукиции отсутствовала, однако существовала государственная внешняя торговля: продукты сельского хозяйства и фабричные изделия сплавлялись по Паране к океану и там обменивались на необходимые государству вещи. За время существования государства иезуиты внедрили прогрессивные агротехнические технологии, в результате чего гуарани сумели полностью обеспечить себя продуктами. На обширных плантациях возделывали сахарный тростник, хлопок, маис, табак, какао, пряности, чай, целебные травы. В садах росли овощи, цветы, апельсины, лимоны. В редукициях занимались разведением рогатого скота, лошадей, овец. Процветали различные виды ремесел, в том числе ювелирное, часовое, швейное, судостроительное: гуарани строили корабли крупнее тех, что спускались на воду на лондонских верфях. Расцветали художественные промыслы – ткачество, резьба по дереву и камню, гончарное дело. Ограниченный ум обращенных индейцев заставлял миссионеров заботиться обо всех их делах, руководить ими как в духовном, так и в светском отношении.

В момент расцвета население государства иезуитов составляло 150–200 тысяч человек. Плодородная почва, деятельный труд гуарани и хорошо налаженная централизация управления хозяйственной жизнью обеспечили этому своеобразному государству христианского коммунизма поразительно долгое даже с сегодняшней точки зрения полуторавековое существование. Но по политическим причинам коммунистическая утопия все-таки пришла к своему концу: по португало-испанскому договору 1750 г. территория Парагвая должна была отойти португальской короне. Такой ход

событий иезуитов не устраивал, и с 1754 по 1758 г. они довольно успешно сопротивлялись, но в итоге не смогли устоять перед объединенными испано-португальскими войсками. Через 10 лет, в 1768 г., иезуиты были изгнаны из всех латиноамериканских владений Испании. Так закончился первый государственный эксперимент на территории Парагвая.

Иезуиты создали среди индейского племени гуарани государство, используя этическое отношение и материализованные методы, и это достижение и по сей час не оставляет мыслителей равнодушными. До сих пор католики не знают как «парагвайский эксперимент» оценивать – как великую победу католицизма или как еретическую попытку построения Царства Небесного на земле, о которой лучше помалкивать. И хотя иезуиты о порядках в своем государстве особенно не распространялись и гостей пускали крайне выборочно, «эксперимент» тем не менее получил достаточную известность. Конечно, можно указать причиной продолжительного существования редукиций общими-ровой ограниченный уровень цивилизационного развития, но это не отменяет их уникальности, отсутствия похожих аналогов и удивительной для XVII века прогрессивности.

Наиболее известным утопическим проектом Нового времени, получившим практическое воплощение, стала колония «Новая Гармония», у истоков которой встал выдающийся английский социалист-утопист Роберт Оуэн. Однако мы считаем более интересным и целесообразным рассмотреть другой социальный проект Оуэна, обычно отходящий на задний план, – преобразование условий жизни рабочих фабрики в Нью-Лэнарке,

управляющим которой Оуэн был несколько лет. На опыте социальной организации общества в нью-лэнаркском рабочем поселке утопист проверял на практике свою важную идею об образовании характера под влиянием среды. Оуэн в Нью-Лэнарке задавался целью перевоспитать согласно принципам своего мирозерцания население своего поселка, которое воплощало в себе «все пороки человеческого общежития, обладая очень немногими из его добродетелей»⁵. Его идеи отличает несомненное доминирование антропологического подхода, но в то же время Оуэн, как человек практичный и дипломатичный, безусловно связывал мероприятия морального свойства с полезными для рабочих преобразованиями в материальных условиях жизни, прекрасно понимая, что одно без другого не подействует. Поэтому, придавая огромное значение процессу морального перевоспитания, Оуэн в первую очередь провел реформы в области бытовых условий и облегчения труда и только затем перешел к реформированию характеров членов поселка. Утопист боролся с пьянством, воровством, распущенностью, ссорами на религиозной почве путем предупреждений, убеждений, избегая всего, что носило характер утрашений и наказаний и доводя до минимума систему штрафов. Воздействие словом и влиянием общественного мнения, а также действительное увеличение заработной платы привели к улучшению материального положения рабочих, уменьшению пьянства и исчезновению краж. Межконфессиональные раздоры были устранены тем, что рабочим, отличавшимся хорошим поведе-

нием, выказывалось одинаковое поощрение вне зависимости от их религиозных убеждений.

Неизмеримую важность для Оуэна приобрел детский вопрос, т.е. вопрос о работе детей на фабрике. Дети, достигшие пяти лет, поступали в школу и в течение пяти лет бесплатно учились чтению, письму и арифметике, получая сравнительно хорошее первоначальное образование. Чтобы не возникало недоразумений по вопросам религии, детей старались учить по книгам, которые давали понимание основ христианской религии, общих всем христианским вероисповеданиям. Еще более значительным шагом вперед было то, что все занятия для них старались сделать привлекательными и приятными, в соответствии с принципом разнообразности, который призван исключить монотонность восприятия. Помимо этого, признавалась крайняя эффективность наглядного преподавания.

Оуэн склонялся к тому, что для ребенка полезнее будет коллективное воспитание, нежели семейное. Педагогическая реформа была направлена против элементов воспитания и образования, основанных на вере, а не на трезвой рациональности и рассмотрении фактов. Здесь также были исключены наказания и утрашения, широко практиковавшиеся в старой школе. Уделялось большое внимание физическому воспитанию. Что касается нравственных установок, то Оуэн стремился внушить своим питомцам две идеи: что человек не образует сам своего характера и что счастье каждого из них зависит от счастья всех других, утверждая среди детей взаимовыручку и уважение друг к другу, выводя тем самым модель взаимного воспитания. Оуэн считал, что становлению правильной образовательной

⁵ *Анекштейн, А.* Роберт Оуэн. Его жизнь, учение и деятельность / А. Анекштейн. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 57 с.

системы мешают ошибочные представления и невежество⁶.

Ввиду всего вышеперечисленного нью-лэнаркский опыт в воспитательно-образовательном плане – плане, нужно подчеркнуть, фундаментальном для практически любой утопии, но обыкновенно обделяемом пристальным вниманием, – выглядит более проработанным и удачным, нежели эксперимент в штате Индиана, хотя в целом, конечно, еще не близким к идеалу. Усилия Оуэна принесли свои результаты, и поселение в Нью-Лэнарке стало образцовой рабочей колонией, снижавшей мировую славу. В этом «новом мире» практически упразднились полиция, тюрьмы, суды и даже такое знаковое явление, как благотворительность – ввиду ненужности в ней. Пожалуй, Роберта Оуэна можно назвать самым выдающимся практическим выразителем антропологического отношения.

Следует заметить, что существует известное смещение в сознании при анализе подобных «воплощенных утопий»: любое поселение, становящееся обособленной частной общиной и начавшее жить по другим порядкам, сразу позиционируют как утопическое. Поэтому «Новая Гармония» и приобрела большую известность, нежели социальные реформы в Нью-Лэнарке. Поскольку в народном сознании утопия носит статус обособленного, удаленного конструкта, то практически любые поселения и частные общины, выносящиеся за пределы плотно населенной «городской ойкумены», приобретают в глазах наблюдателей утопический характер: группа людей удалилась, чтобы вести иной, нереда-

вой, образ жизни, значит, они хотят жить лучше, значит – стремятся к счастливой жизни. По этой причине рассматриваются через утопическую призму экспериментальные архитектурные и экономические проекты (линейный город Сориа-и-Мата, прототип европейского города-сада; «деревни единства и корпорации» Т.С. Уайтвелла, территориальная организация которых служила Оуэну образцом для «Новой Гармонии»; «Современный город» Ле Корбюзье; «Проект Венера» Жака Фреско; проект «Североамериканский Технат»), а также присваиваются утопические черты многим сообществам, скрепляющимся принципом хозяйствования, общими интересами, религиозными воззрениями.

Нью-лэнаркский и индианский опыты Р. Оуэна положили начало социальным экспериментам, в силу отсутствия идеологической или религиозной окраски более близким в попытке своего осуществления к гомогенным, «беспримесным» (т.е. свободным от излишне идейных установок) утопиям. К таким относился и Пульман-таун – город, построенный гением вагоностроения Джорджем Пульманом. Заработав миллионное состояние и став монополистом по производству спальных вагонов в США, Пульман решил реализовать свой замысел построить идеальный город и с этой целью приобрел в 1880 году 1500 гектаров земли в штате Иллинойс, неподалеку от Чикаго. Город предназначался только для рабочих заводов Пульмана. Осознавая, что и его личное процветание, и социально-экономическое развитие государства в целом зависят от рабочего класса, Пульман понимал, насколько важно обеспечить людям комфортное существование, стабильность жизни и возможность получения образования. На возведение

⁶ *Анекштейн, А.* Роберт Оуэн. Его жизнь, учение и деятельность / А. Анекштейн. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 72 с.

типовых домиков для рабочих и коттеджей для инженеров, постройку школы, церкви, театра, библиотеки, банков, магазинов, обустройство парков, проведение современных систем водоснабжения, канализации и отопления ушла огромная сумма в 8 миллионов долларов. Как уже было упомянуто, в городе Пульмана жили семьи только тех, кто работал на него, что дало повод окрестить его «территорией для компактного проживания рабочих». Плата за жилье и коммунальные услуги вычиталась из зарплаты. Все здесь принадлежало фирме – все помещения, даже церковь, сдавались в аренду. Контролировал город один человек – сам Пульман. Все это было реализацией строго материалистического подхода, поскольку Пульман стремился полностью определять жизнь рабочих с помощью внешних факторов.

Город Пульмана создавался как антитеза распущенному Чикаго, и ничто здесь не напоминало о его близости – тихая образцовая жизнь рабочих, никаких противоречащих морали развлечений и сухой закон. В городе не продавалось спиртосодержащих напитков, исключением являлся лишь отель, но там алкоголь был доступен только гостям. В целом людям предоставлялись очень хорошие условия для жизни, работы и отдыха, взамен магнат предполагал получить их лояльность и ответственное отношение к работе.

Поначалу так оно и было. Однако со временем начали выявляться и обсуждаться в прессе плюсы и минусы этого социального эксперимента. В СМИ Пульман-тауна существовала жесткая цензура, запрещалось выносить на обсуждение местные проблемы – считалось, что их не должно существовать; в город не пускали благотворительные организации – считалось, что

нуждающихся здесь нет; и самое одиозное – человек, лишившийся работы у Пульмана, сразу же оказывался на улице: в течение десяти дней его вынуждали покинуть жилье. В конечном счете, разразившийся в 1894 г. экономический кризис и ряд классовых выступлений привели к прекращению функционирования этого образцового капиталистического города, в котором тогда проживало 10 тысяч человек. Но этот социальный эксперимент еще долго не давал покоя предпринимателям. В частности, Генри Форду, который, хотя и в более мягкой форме, пытался обустроить поселения для рабочих при своих заводах и которого тоже, как и Джорджа Пульмана, за проводимую в них политику обвиняли в феодализме и тоталитаризме.

Как и в случае с утопией литературной, критерии отбора в отношении воплощаемого утопического проекта достаточно размыты. Возможно, в этом случае тот фактор, что люди решают вести другую жизнь, упорядоченную, организованную по установленным заранее правилам, которые устраивают их, как раз самодостаточен. С другой стороны, особенности организации рассматривавшихся выше утопических проектов показывают, что нет успешных примеров локальных обществ, строй которых мог бы удовлетворить всех и каждого.

С эскалацией научно-технического прогресса все социальные проекты переводятся преимущественно на материализованные рельсы, обращаются к внешней, предметной стороне совершенствования общества. Любопытная, но мало приглядевшаяся к попытке воплощения – по сравнению с вышеупомянутыми «превращенными» вариациями – и потому малоизвестная утопия в этом ряду при-

надлежала небезызвестному Уолту Диснею, мультипликационному волшебнику. В 1955 году он открыл в Калифорнии первый тематический парк, который, по его мысли, должен был стать интересен и взрослым и детям. С середины 60-х гг. XX в. Дисней вынашивал проект города будущего на приобретенных им землях во Флориде. Его Уолтопия, как прозвали затем позже, была призвана решить проблему современных городов и обладать возможностью реализоваться в любом месте мира. Сущность проекта определялась как «экспериментальное прототипное общество завтрашнего дня» (Experimental Prototype Community of Tomorrow, EPCOT)⁷. Он планировался как сердце Мира Диснея – огромного земельного участка в 70 кв. км: радиальный план, всепогодный купол с климат-контролем, развитая инфраструктура без грязи и при этом много зелени. В центре этого круглого города, по проекту, стоял небоскреб-доминанта, его окружало зеленое кольцо, далее простирались жилая пригородная зона. Замысел Диснея рисовал общество будущего, которое никогда не будет замкнуто в своем развитии, но всегда должно находиться на гребне прогресса и новейших технологий; также в расчет принимались потребности и счастье жителей города, рассчитанного на 20 тыс. человек. Главенство на дорогах отдавалось пешеходу, но вероятному развитию транспортной сети Дисней уделял пристальное внимание и прорабатывал эту сторону проекта едва ли не основательнее всех прочих. Предполагалось обеспечить жителей совершенного города самыми современными и экологически чистыми

⁷ *Shane, Denson. Disney's Utopia: Dream and Reality / Shane Denson. – University of Hannover, English Department, Academic Writing SoSe, 2005. – P. 2.*

видами транспорта; предусматривался и аэропорт будущего.

Уолт Дисней скончался вскоре после секретной презентации своего проекта, почему проект так и застыл на стадии предварительного обсуждения. Тем не менее он не канул в безвестность, а получил частичное воплощение – в определенной степени его идеи выразились в тематическом парке Ерсот, открывшемся в 1982 году и посвященном международной культуре и технологическим инновациям. Другим воплощением, оказавшимся несколько ближе к первоначальному плану Диснея, стал Celebration – в начале 90-х годов Walt Disney Company построила на принадлежащих ей землях Флориды поселение под этим названием для своих сотрудников. В отличие от Ерсот, возведенного по фундаментальному параметру радиальности, Celebration спроектирован в стиле нового урбанизма и походит скорее на обычный американский городок со всеми современными удобствами и некоторыми необычными архитектурными образчиками, однако без продвинутой транспортной сети. Тематический парк Ерсот развивается по сегодняшний день в границах крупнейшего развлекательного центра в мире – Walt Disney Resort в той же Флориде; Celebration также существует и по сей час и открыт для экскурсий. А все посвящения новопривыкшим в парках Диснея начинаются с фразы «Всем, кто пришел в это счастливое место, – добро пожаловать!».

Целостное преобразование общества на основе утопических идей пока не представляется возможным, вне зависимости от особенностей постановки конкретного утопического эксперимента. Это касается и материалистического и идеалистического подходов. Первый подрывается «капитали-

стическими» факторами, препятствующими созданию общества всеобщего равенства и благоденствия. Второй – высокой лабильностью человеческого сознания, обуславливающей его крайнюю восприимчивость и постоянное изменение психических и социально-философских характеристик в категориях самоидентификации и осознания собственных желаний и целей. Поэтому стремление изменения общества путем изменения сознания людей остается иллюзорным, представления о зрелости человеческого сознания сталкиваются с его реальной неразвитостью. Внутреннее сопротивление людей утопическим моделям становится симптомом действительного несоответствия этих моделей реальности и личным потребностям индивида.

Литература

Анекштейн, А. Роберт Оуэн. Его жизнь, учение и деятельность / А. Анекштейн. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 287 с.

Ивошин, Ю.П. Социальный идеал как предмет философского исследования / Ю.П. Ивошин // Идеи и идеалы. – 2009. – № 1. – С. 59–68.

Лукин, А.А. Социальная утопия в теории и практике общественных преобразований: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.01 / А.А. Лукин. – М.: Изд-во Ин-та философии, 1991. – 16 с.

Сомин, Н.В. Государство иезуитов в Парагвае [Электронный ресурс] / Н.В. Сомин // Христианский социализм как русская идея. – Режим доступа: <http://chri-soc.narod.ru/iesu.htm>. – Загл. с экрана.

Shane, Denson. Disney's Utopia: Dream and Reality / Shane Denson. – University of Hannover, English Department, Academic Writing SoSe, 2005.